

УДК 321

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПРЕДДВЕРИИ ДЕБАТОВ
ПО РЕЗОЛЮЦИИ ДЖ. ДАННИНГА**

**SOCIO-POLITICAL SITUATION IN THE UNITED
KINGDOM JUST BEFORE THE DEBATE
ON THE RESOLUTION OF J. DUNNING**

Чугаев Валерий Валерьевич,

старший преподаватель кафедры

государственно-правовых дисциплин

Сибирского юридического института

МВД России (г. Красноярск),

кандидат юридических наук

wigi7@mail.ru

Ключевые слова:

Корона, прерогатива, палата Общин, лорды, цивильный лист.

В работе отмечается сложность общественно-политической ситуации, сложившейся, а точнее, проявившейся, после восшествия на престол английского монарха Георга III. Исследуются истинные причины и характер выдвигаемых претензий отдельных политических групп по поводу возросшего влияния английской Короны на политическую систему общества.

Keywords:

the Crown, prerogative, the House of Commons, lords, the civil list.

The article notes the complexity of the socio-political situation which existed, or rather came to light after the accession to the throne of the English monarch - George III. The true reasons and nature of the claims of certain political groups regarding the increased influence of the English Crown on the political system of society are analyzed.

Вторая половина XVIII в. – период восстановления английской парламентской монархии. В данный период политико-правовой статус таких английских политических институтов, как Корона, палата Общин и палата Лордов, начинает пересматриваться [22]. Вигская историография отмечала победу народа над олигархической палатой Общин в конце XVIII в., начиная с беспорядков сторонников Дж. Уилкса и заканчивая актом «О реформе» 1832 г. «Старая Гвардия» [21] при описании второй половины XVIII в. применяла алгоритмы, свойственные как для XVII в., так и для XVIII века. Ввиду необоснованности критериев, использованных при анализе, это вызывает некоторые сомнения. Следовательно, при анализе процессов взаимодействия английской Короны с палатами Общин и Лордов занижается объем влияния монарха и его министров в период буржуазного радикализма, что формирует неверное представление о состоянии противоборства Короны и палаты Общин.

Целью данной статьи является исследование общественно-политической обстановки, отражающей реакцию на используемые английской Коронай механизмы фактического влияния на палаты Общин и Лордов во второй половине XVIII века.

«Явным парадоксом, – пишет историк Д. Мариотт, – является то, что ... высшие должностные лица административной системы, считавшиеся слугами Короны, в действительности были ответственны политически перед Парламентом» [6]. Для описываемого периода характеристика настолько нетипична, что на европейском континенте говорили об «абсолютизме Парламента». Зачастую сами англичане полагали: «Мы уже стали более чем наполовину республикой с той поры, как правление сосредоточилось полностью в руках палаты Общин» [7]. Дж. Свифт писал «о нашей превосходной конституции, вызывающей заслуженное удивление и зависть всего света» [18]. Такие идеи, возвеличивающие роль английского парламента во второй половине XVIII века, обнаруживаются в значительном количестве работ авторов до конца XX века. К сожалению, они далеки от правдивого описания истинного состояния английской действительности в исследуемый период.

В 1760 г. на престол вступил новый монарх ганноверской династии – Георг III. Он являлся истинным британским монархом династии и отличался от предшественников – Георга I и Георга II. Они заботились о Ганновере, а не о Великобритании, с трудом говорили на английском языке, не смыслили в английской политике, в результате предоставляли главе Кабинета, а фактически вигской группировке, возможность управлять вместо себя. Последнее привело к самоустранению монарха от политических процессов и усилению влияния министров на разработку основных направлений государственной политики.

Георг III воспитывался на английской земле, с детства обучался политическим традициям и истории английского государства и мог полноправно заявить на заседании коммонеров: «Я горжусь называться британцем!» [4]. Воспитанный на идеях Г. Болингброка о «короле-патриоте» Георг желал не только царствовать, но и править. Мечтая ослабить влияние вигской олигархии, он желал управлять в интере-

сах всех подданных [19], основным своим долгом представлял «следование если не букве, то хотя бы духу» английской неписанной конституции, ее существенным принципам [23]. С другой стороны, он живо переживал ту беспомощность, в которую впала английская монархия, и ее фактическую зависимость от обеих палат парламента [17].

Придя к власти, Георг III попытался перераспределить баланс сил между королем, министрами и палатами английского парламента. «Власть Короны, почти мертвая и истлевшая как прерогатива, возродилась вновь», – писал по этому поводу Э. Берк [1]. Значительная часть английского общества в 1760-х гг. воспринимала кризис, определившийся нарушением баланса политических сил при первых двух Георгах, как вызванный политическими амбициями нового монарха, манипулирующего в своих интересах королевским «патронатом», как средство усиления личной власти.

Король и министры не могли управлять государством без палат парламента. Данное обстоятельство ставило монарха в фактически подзаконное положение и вынуждало действовать по доверию представителей подданных. Монарх открывал и закрывал сессии палаты Общин, но был не в состоянии издавать акты по своей воле; при этом все нормативные акты, рассмотренные обеими палатами, не могли обрести юридической силы без королевской ассигнации.

Дебаты о характере поведения Георга III в период 1760-х гг. в отношении конституционных соглашений, касающихся роли партийных группировок в управлении государством, оформились в два основных направления. Одни считали, что Георг III действовал целенаправленно в целях повышения статуса английской монархии после восхождения на престол, и его поведение было вполне оправданно, так как сущность монархии была извращена, а роль монарха узурпирована. Другие считали, что именно он извратил английскую конституцию, потому как ограниченная монархия с опорой на «партию правительства» и исполнительная власть в лице Кабинета, подотчетного палате Общин, укрепились если не при Вильгельме III Оранском, то в период правления первых двух Георгов. Обе точки зрения фактически опирались на никогда не подвергаемые сомнению гипотезы о том, что роль монархии в течение первой половины XVIII в. действительно была уменьшена до «современных» пропорций [22].

Прерогативой Короля было назначение и смещение министров, помилование, назначение пэров, жалование почетных званий, управление зависимыми колониями, повышение в следующий чин, и ни один солдат или корабль не двигались с места без его ведома [24].

Место Короля в системе британской внешней политики достаточно точно определил в одном из выступлений в палате Общин лорд-канцлер Великобритании Ф. Йорк. Он заметил, что в королевскую прерогативу теоретически входило определение целесообразности заключения или расторжения тех или иных договоров,

а также общее определение курса внешней политики. Но ввиду того, что практически все внешнеполитические отношения были связаны с финансами, их проведение было невозможно без согласия палаты Общин [4].

Об увеличении влияния Короля можно судить по высказыванию лорда Г. Болингброка: «Чтобы правильно судить о том, какой поворот в любом направлении во внутренних делах намечается, мы должны на будущее учитывать лишь, каково настроение Двора и Банка» [14]. Использование Общинами «власти кошелька» превратилось в формальность, а predetermined королевский выбор министров было практически невозможно до 1830-х годов. Если же говорить о дипломатии и войне, то отсутствовали механизмы, позволяющие поставить их под парламентский контроль и расследование.

Положение Короны в сфере военного управления и дипломатических отношений во второй половине XVIII века стало формально бесспорным. В большинстве случаев зависимый от определенного усердия, исполнительности и умения высших фигур баланс между Королем и министрами склонялся то в одну, то в другую сторону [22]. Та же огромная роль министров в управлении государством, которая обозначилась к концу XVIII века, лишь показывала фактически уникальный на тот момент процесс наследования власти Короля назначенными им подданными. На наш взгляд, только в конце XVIII – начале XIX веков началось отделение министерской исполнительной власти от королевской.

Что касается взаимоотношений Короны и палат английского парламента во второй половине XVIII в., то основные противоречия касались не баланса властей, а проблем фактической реализации властными субъектами своих полномочий [15]. Формально Корона в соответствии с положениями английской конституции была ограничена палатами Общин и Лордов, занимавшими доминирующие места в английской политической системе.

Пополнение состава палаты Лордов обеспечивалось посредством наследования пэрского титула, назначения от имени короля лиц, отличившихся на государственной службе. В число Лордов наряду с другими включались представители от джентри и зажиточные финансисты. Однако верхняя палата фактически оставалась кастовым законодательным органом, выражающим интересы аристократии [12]. По подсчетам английского историка Турбервиля, в 1780 г. в палате Лордов, помимо 16 шотландских пэров и 26 членов от епископата, были 3 герцога королевской крови, 21 герцог, 1 маркиз, 78 графов, 14 виконтов, 65 баронов, всего 224 члена [11].

Фактически верхнюю палату рассматривали как стопор, который обеспечивал возможность отклонения всякого предложения палаты Общин, которому министры были не в состоянии противиться. В первую очередь это относилось к тем законопроектам, которые палата Общин обязана была поддержать, так как они были в интересах избирателей или общественности в целом. Например, Георг III рекомендовал лорду Порту не заставлять своих сторонников в палате Общин саботировать

голосование по биллю «Об облегчении положения диссентеров», так как это могло негативно повлиять на следующие выборы. Д. Мюрэй (лорд Стормонт) выражал общую позицию лордов, когда рассуждал о палате Лордов как об институте, который «должен естественно гарантировать твердую поддержку Кабинету» [5]. Именно реализация данного положения позволила Георгу III нейтрализовать большинство в нижней палате в 1782-1784 гг.

Причины поддержки Кабинета объяснялись тем, что последний контролировал избрание практически всех шотландских пэров. Большинство же представителей епископской скамьи, еще «не взятое под крыло» Кабинетом, надеялось, что это обязательно произойдет. Ряду светских пэров были пожалованы титулы по предложению самого Кабинета или лично Короля. Часть членов верхней палаты парламента занимали должности при королевском дворе, что фактически обязывало их тесно общаться с монархом. Таким образом, все пэры, желая сохранить свои привилегии или надеясь их получить, не могли не поддерживать политику монарха и Кабинета [13].

По мнению Н. Н. Яковлева, лорды были еще и основным источником пополнения самого Кабинета: выходцы из верхней палаты, как правило, занимали более ответственные и доходные должности, нежели министры из нижней палаты парламента [26].

Практика использования права вето во второй половине XVIII в. приобрела новое содержание. Лорды еще не были ограничены и отклоняли нежелательные для Короны законопроекты с целью смягчения противоречий между последней коммонерами [20], и до 1790-х гг. это не вызывало недовольства. После 1760-х гг., после стирания принципиальных противоречий между группировками тори и вигов значение палаты Лордов увеличивается, и до 1820-х гг. последняя являлась «каменной стеной» против непрекращающихся попыток Общин провести спорные законопроекты [2].

Не смотря на то, что в исследуемый период палата Лордов по своему влиянию на политические отношения была гораздо слабее палаты Общин, лорды не всегда механически одобряли решения коммонеров. Когда в 1783 г. Ч. Фокс предложил проект билля, передававшего управление Ост-Индской компанией в ведение парламентской комиссии, предложение было принято Общинами, однако Георг III счел, что данный акт ему невыгоден, и перед голосованием в палате Лордов отправил собственноручное письмо с предупреждением о том, что те пэры, которые поддержат билль, станут его личными врагами. Как результат, с перевесом в 19 голосов билль был отклонен [25].

Общины, являясь выборной представительной палатой, в своей деятельности не соблюдали принципы представительства. Еще актом 1430 г.а избирательные права в графствах были предоставлены мужчинам, достигшим 21 года и имевшим не менее 40 шиллингов годового дохода с земельной собственности. Нормы избирательного права в английских боро вообще не имели четких содержательных очертаний. В

одних избирательным правом обладали те, кто платил налоги, в других – почетные граждане или отцы семейств, в третьих устанавливался высокий имущественный ценз, где-то фактически голосование не осуществлялось [9]. Так, например, Данвич в графстве Линкольншир, являясь почти затопленным Северным морем, посылал в палату Общин двух представителей. С другой стороны, города с большой численностью населения, такие как Манчестер, Лидс, Бирмингем, вообще не отправляли своих представителей [22].

На практике система норм, применяющихся при избрании коммонеров, способствовала усилению влияния аристократии и господству интересов последней в стране. Ситуация усугублялась тем, что электорат местечек был в большой степени контролируемым. Кроме того, открытое голосование с помощью поднятия руки делало избирателей мелких округов зависимым от местных землевладельцев-патронов. Обычно такие округа были невелики, и покупка голосов избирателей в них стала обычным явлением. Места в палате Общин фактически являлись предметом купли-продажи. Корона, как правило, имела необходимое количество таких местечек для лоббирования своих законопроектов [8]. Суммы, направляемые для подкупа избирателей, были различны, в одних местечках они доходили до 20 гиней, в других же платой, например, выступали различные товары, такие как уголь. Таким образом, «карманные» местечки являлись, с одной стороны, значимым средством политического давления правящих кругов, с другой – средством обогащения избирателей.

По свидетельству Д. Сака, примерно до 1/3 членов нижней палаты находились в зависимом от верхней положении, и, несмотря на то, что эта зависимость, по его словам, не предполагала «совершенно рабские отношения», именно она определяла поведение членов палаты Общин при голосовании [8].

Свои отношения с партийными группировками Георг III описывал так: «Я пытался положить конец удручающим меня партийным разногласиям вигов и тори, заявляя, что буду поощрять любого политика, который будет поддерживать мое правительство и соглашаться с теми принципами правления, которые были установлены конституцией» [5]. Политики соглашались с Георгом III в том, что «англичане создали самую замечательную конституцию, которую только мог создать человеческий разум» [5]. Исследование трудов Л. Нэмира [7] и Р. Лоджа позволяет сделать вывод о практической ошибочности используемых авторами предположений. Некоторые ученые, например такие как Я. Кристи [3], исследовавшие период после 1760-х гг., отмечали практически полное отсутствие доказательств, свидетельствующих о короле, извратившие сложившийся конституционный порядок управления, а эссе Дж. Оуэна 1973 г. впервые разрушило логику этих предположений.

Усложнение и латентный характер министерской власти, слабое здоровье Георга III, экономические реформы явились объяснением многих причин уменьшения влияния Короля на властеотношения в последние десятилетия XVIII века. В основном власть Короля была связана с теми проблемами, которые возникали

на политической арене. Так, например, Ферстенбундские переговоры 1780-х гг. придали Королю новую дипломатическую значимость. В части внутренней политики Король также вышел на первый план благодаря его участию в вопросах отмены актов «О присяге», «О корпорациях», «Об эмансипации католиков», и парламентской реформы. В виду того, что события «вытолкнули» непопулярную особу Георга IV на роль защитника протестантской конституции, вигская оппозиция усилила идентификацию Короля с главным барьером на пути к ее успеху [16].

Таким образом, проблемой конституционно-правовой эволюции английского государства торой половины XVIII в. стала попытка преодоления противоречий, периодически возникающих между исполнительной властью Короны и законодательным верховенством палат Парламента. Несмотря на то, что в результате конфликтов между Короной и палатой Общин в период торой половины XVII в. формально было закреплено верховенство Общин, политическая практика XVIII в. сложилась иначе. С целью достижения практической целесообразности соблюдался фактический баланс, где Корона, палаты Общин и Лордов выполняли в большинстве одни и те же скоординированные функции. Независимость Короны, как правило, воспринималась в качестве главной доктрины «смешанной и сбалансированной конституции».

Библиографический список

1. Burke, E. *Thoughts on the Present Discontents, and Speeches* / E. Burke. - L., 1889.
2. Cannon, J. *The Fox - North Coalition: Crisis of the Constitution, 1782-84.* / J. Cannon. - Cambridge, 1969.
3. Christie, I. R. *George III and the historians - thirty years on* / I. Christie // *History.* - 1986. - Vol. 71.
4. Cobbett, W. *The Parliamentary History of England from the Earliest Period to 1803* / W. Cobbett. - L., 1810.
5. Fortedcue, J. *The Correspondence of King George III* / J. Fortedcue. - Vol 5. - L., 1927-1928.
6. Marriott, G. *English Political Institution* / G. Marriot. - Oxford, 1925.
7. Namier, L.B. *The Structure of Politics at the Accession of George III* / L.B. Namier. - L., 1927.
8. Sack, J. *The House of Lords and Parliamentary Patronage in Great Britain. 1802-1832* / J. Sack // *Historical journal.* - 1980. - Vol 23.

9. Smith, G.A. Constitutional and Legal History of England / G.A. Smith. – NY, 1955.
10. Stone, L. The Bourgeois Revolution of XVII century England revisited / L. Stone // Past and Present. – 1985. – Vol. 109.
11. Turberville, A.S. The House of Lords in the XVIII century / A.S. Turberville. – Oxford, 1927.
12. Айзенштат, М.П. Западноевропейский парламентаризм XVIII – XIX вв. : этапы становления и развития / М.П. Айзенштат. – Саратов: Институт всеобщей истории РАН, Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2001.
13. Апарина, О.Ю. Высшие органы государственной власти и политическая элита Великобритании в 60-80-е гг. XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / О.Ю. Апарина. – Саратов, 2003.
14. Болингброк, Г.С.-Дж. Письма об изучении и пользе истории / Г.С.-Дж. Болингброк. – М.: Наука, 1978.
15. Модель, Д. Становление ответственного министерства в Англии (XVIII – нач. XIX вв.) / Д. Модель // Из истории европейского парламентаризма. Великобритания. – М. : ИВИ, 1995.
16. Пономарева В.В. «Ins and outs»: институт парламентской оппозиции в Великобритании XVIII в. / В.В. Пономарева // Известия высших учебных заведений. – 2002. – № 3 (242).
17. Рыжков К. В. Все монархии мира. Западная Европа / К.В. Рыжков. – М. : Вече, 2001.
18. Свифт, Д. Путешествия Гулливера / Д. Свифт. – М.: Правда, 1989.
19. Семенов, С. Б. Парадокс Джона Уилкса / С.Б. Семенов // Новая и новейшая история. – 1997. – № 5.
20. Томсинов, В.А. Палата Лордов в государственном строе Великобритании в XIX в.: «доктрина Солсбери». / В.А. Томсинов // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2014. – № 3.
21. Хилл, К. Английская революция / К. Хилл. – М. : Иностранная литература, 1947.
22. Чугаев, В.В. Правовой статус английской Короны (1689 – 1832 гг.): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.В. Чугаев. – Омск, 2018.
23. Чугаев, В.В. Радикализм в английской политико-правовой мысли II половины XVIII века / В.В. Чугаев // Личность, право, государство. – 2019. – № 2.
24. Яковлев, Н.Н. Ганноверская династия / Н.Н. Яковлев // Британия и Европа. – М., 2000.
25. Яковлев, Н.Н. Монарх, кабинет и парламент Великобритании в конце XVIII в. / Н.Н. Яковлев // Британия и Европа. – М., 2000.
26. Яковлев, Н.Н. Некоторые особенности парламентской деятельности отца и сына Питов / Н.Н. Яковлев. // Британия и Европа. – М., 2009.